

УДК 821.133.1
ББК 84(7Кан)-44
П27

Переводчик НАТАЛЬЯ УМАНСКАЯ
Редактор ЕЛИЗАВЕТА ЧЕБУЧЕВА

Перроне М.

П27 По воле Персеид : [роман] / Мелисса Перрон ; Пер. с фр. — М. : Альпина Паблишер, 2024. — 240 с.

ISBN 978-5-9614-8697-1

В заключительной книге трилогии Мелиссы Перрон главная героиня Фабьена Дюбуа — одаренная художница, живущая с аутизмом, — сталкивается с серьезными испытаниями.

Она живет в Сент-Огюсте, в доме, оставшемся ей по наследству от матери. Фабьена счастлива в отношениях с Шарлем, ей нравится ее работа в хосписе. Но за спокойным фасадом затаились внутренние сомнения: уже несколько месяцев она чувствует приближение эмоциональной бури, способной разметать в щепки размеренную жизнь. Все меняется, когда в жизни Фабьены появляется крайне странный пациент по имени Сمارт, к которому она никак не может найти подход. В это же время умирает любимая тетя Клэр. Фабьена остается с болью утраты любимой родственницы, а еще зеленой коробкой, полной семейных секретов. Эмоции переполняют героиню и скоро вырвутся наружу. И только Персеиды обещают утешение в трудные времена.

УДК 821.133.1
ББК 84(7Кан)-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

- © 2022, Éditions Hurtubise inc.
Published by arrangement with
SAS Lester Literary Agent & Associates
- © Иллюстрация на обложке Marie-Ève Turgeon
- © Издание на русском языке,
перевод, оформление.
ООО «Альпина Паблишер», 2024

ISBN 978-5-9614-8697-1 (рус.)
ISBN 978-2-89781-878-4 (фр.)

*Тем, кто ждет потока Персеид,
чтобы на сердце стало легче*

*Я спросила себя, каким секретам
выпадет честь умереть вместе со мной.
И ни один из них не был достаточно прекрасен.*

Киношник

Вот уже три года я живу в Сент-Огюсте. Множество больших и малых случайностей неизъяснимым образом сложились воедино и в конце концов побудили меня покинуть Дэмон и поселиться на берегу реки. Первые месяцы я безуспешно пыталась найти привычные точки опоры, но потом нащупала новые. Я не пожалела о своем выборе, хотя и скучала нередко по елям и соснам, которые дома служили мне телохранителями — или скорее душехранителями, — мне не хватало их в тяжелые минуты.

Мы с Шарлем «узаконили» наши отношения, поселившись вместе в дуплексе, который достался мне в наследство от матери. С учетом моего недавнего диагноза покинуть Дэмон казалось хорошей идеей: мне нравилось думать, что я закрываю темную страницу своей жизни и в Сент-Огюсте меня ждет светлая. Те надежды теперь вспоминаю с улыбкой. Не надо забывать, что не бывает света без тени.

Пока Шарль со своей бригадой строили Дом «Птицы» — новый деревенский хоспис, — я руководила ремонтом в нашем собственном доме. Шарль подрядил друзей снести несколько внутренних стен на втором этаже. Кухню, хотя ее и можно было обновить, я решила оставить нетронутой.

Наш лофт я любовно называла «винтажным уголком». Мне нравилось лежать в постели и наблюдать за погодой прямо сквозь балконную дверь. Реку я оттуда не видела, но любила представлять, как она течет, волнуемая ветром или тихая. После сноса стен это пространство напоминало мне мою старую мастерскую на третьем этаже маяка, и мне было приятно чувствовать себя, словно я была там.

Сидеть и ждать, пока Дом «Птицы» не начнет принимать пациентов, было скучно, и, чтобы скоротать время, я стала каждое утро по будням приходить в клинику Антуана, брата Шарля, чтобы продезинфицировать зал ожидания и кабинеты, помыть окна и пропылесосить. Работа прямо для меня: кругом никого, на голове наушники, все внимание на уборке. Я приходила в шесть тридцать, а уходила в восемь, когда клиника открывалась.

Прилежней уборщиков, чем я и мое обсессивно-компульсивное расстройство, было не сыскать. Вещи после меня сияли чистотой и были в идеальном порядке. Вскоре, однако, я обнаружила, что тревога отыгрывает позиции, когда застряла на коврике у входа в клинику.

Полоски на коврике должны были идти строго параллельно швам между плитками на полу. За полтора часа я несколько раз проверяла, ровно ли положила его. Другие пациенты с ОКР по много раз возвращаются к дому, снова и снова проверяя, заперта ли входная дверь, а я оказалась одержимой мыслями о половике.

Этот новый симптом я объясняла тем, что, поддавшись порыву, променяла укромное лесное жилище на дом, который стоял голый перед огромным полотном неба и куском реки. Хотя вода всегда меня успокаивала, я по привычке искала вокруг деревья, за которыми можно было бы укрыться. Меня не покидало чувство, будто я ракушка на пляже и мне нужно то и дело захлопываться, чтобы спрятаться от чужого взгляда.

Сент-Огюст с его простором был создан для людей храбрых, открытых миру, для тех, кто живет полной жизнью, не боясь, что наутро частички этой самой жизни станут предметом сплетен в ближайшем магазине. Я решила, что мне просто нужно чуть больше времени, чтобы адаптироваться. Я завидовала Шарлю, его дару легко приживаться везде, куда ни занесет судьба. Когда я об этом обмолвилась, он ответил:

— Мне легче потому, что ты со мной.

— Но мы ведь не всегда были вместе, а ты и раньше много где жил, — попыталась я снизить пафос, но Шарль не поддался:

— Это я тебя искал.

В фильме такая фраза показалась бы мне слащавой, но он произнес ее совершенно серьезно, и я поверила.

Чтобы меня подбодрить, он говорил, что, возможно, я тоскую без работы. Он был прав. Мне действительно не терпелось погрузиться в привычную атмосферу хосписа. Когда отпраздновали открытие Дома «Птицы», мне значительно полегчало. Скоро я вернусь к кистям и краскам. Брату Шарля было жаль со мной расставаться: он уже понял, что едва ли сумеет найти такую же усердную уборщицу. Я взяла с него слово, что он будет следить там за ковриком — и, лишь сказав это вслух, поняла, какую ляпнула глупость.

Он спросил, нет ли у меня еще подобных идей фикс, и я заверила его, что, если мои навязчивые мысли совсем выйдут из-под контроля, непременно к нему обращусь. Тут мне стало стыдно, но совсем ненадолго, ведь я отлично знала, что не приду к нему с этим. Болезнь уже есть, и справиться я надеялась в одиночку. Не хватало еще, чтобы меня одолел какой-то коврик.

В Дэмоне я занималась тем, что писала картины для пациентов Дома «Тропинка». В Сент-Огюсте я вела для больных и их родственников кружок живописи и литературного творчества. Каждое утро на пляже, совершая пробежку вместе со своим псом Ван Гогом, я придумывала тему очередного занятия, которую участникам предстояло самостоятельно раскрыть в красках или словах.

В Доме «Птицы» у нас была чудесная студия с видом на реку. Когда я еще только увидела чертежи и обнаружила, что часть здания, где предполагалось ее разместить, выходит на дорогу, то немедленно созвала всю команду на экстренное совещание. Я начала с рассказа о том, как важно для пациентов заниматься творчеством, даже привела статью одного нейробиолога, где доказывалась польза подобных практик.

Коллеги кивали, охотно соглашаясь с моими словами. Они знали, какую важную роль в Доме «Птицы» будет играть искусство, но никто не видел в чертежах того, что увидела я. Мы совещались снаружи, среди экскаваторов и куч камней. Я повела остальных за собой, выстроила в шеренгу вдоль дороги, а затем предложила представить, что бы они нарисовали на условную тему дня, вдохновляясь таким пейзажем. Перед нами была дорога, а чуть в стороне — разноцветные магазинчики Сент-Огюст-сюр-Мер. После этого я предложила вернуться на 180 градусов.

Нашим глазам открылось речное устье — и дальше объяснять было нечего. Все рассмеялись. Этот смех очень меня обрадовал: как будто очевидное отразилось в звуке. Лия тут же кинулась звонить архитектору, чтобы переделал чертежи. Отыскав в сумке листок бумаги, я набросала шпаргалку и протянула ей во время разговора. По ее смешку было ясно, что она уловила мою мысль. Мне нравилось думать, что отчасти благодаря

мне и моему выступлению в то утро Дом получил вид из окон, поистине достойный его имени.

Всякий раз, предлагая ученикам взглянуть в небо или реку, прежде чем приступить к работе, я не могла удержаться от соблазна подойти к окнам и тоже полюбоваться красотой. Великим уроком смирения было находиться бок о бок с людьми, которые знали, что скоро умрут, и смотреть на этот необычайный пейзаж их глазами. Природа одним своим видом заставляла принять ту жестокую истину, что красота ее пребудет вечно, с нами или без нас.

Я любила прохаживаться по студии в тишине между погруженными в творчество пациентами и наблюдать за их сосредоточенной работой. Каждого мне хотелось сфотографировать. В своем упорстве, мужестве, досаде и гневе они становились прекрасны. Грядущее никому из них не оставило выбора — однако посещать кружок или нет, каждый мог выбрать сам. И те, кто все же решил прийти, сделали важный шаг на своем пути в стенах Дома.

Я часто задавалась вопросом, хватило бы мне духу на такие упражнения, окажись я на их месте. Ведь в этот час мы занимались не просто творчеством. Это был своего рода акт общения с неизлечимой болезнью: способ принять ее, прогуляться как с другом или приручить с помощью красок и слов. Порою объявлялись и войны, а я становилась свидетельницей первых битв. Снова

и снова я слышала от бойцов: «Вот увидишь, Фабьена, я первый отсюда выйду на своих двоих».

Иные пациентки, вероятно, тоже питали такие надежды, но только мужчины заявляли о них вслух, совершенно уверенные, что так и будет.

Я ничего им не отвечала, потому что не мне было им говорить, что они в самом деле непременно отсюда вырвутся. Только не на ногах, а на крыльях. Мне всегда очень не нравилось сравнение болезни с борьбой. В такой войне признать себя побежденным — уже героизм.

Так или иначе, плоды наших уроков, сражались ли их авторы со своей судьбой или нет, неизменно поражали. Каждую неделю я заново убеждалась, что горе, смутнение, страх и неизвестность как ничто иное приводят в движение творческие силы души. Нужно было видеть, как глубоко мои подопечные погружались в самих себя, чтобы сотворить столь неповторимые работы.

По пятницам я выставляла те картины и рисунки, чьи авторы были не против, и любой желающий мог прийти на них посмотреть. Родные и друзья больных, работники хосписа ходили по студии и разглядывали работы, часто в полном молчании. Экспонаты вызывали большое чувство уважения, и по каждому из них можно было узнать что-то важное об авторе.

Мне часто вспоминается муж одной из пациенток, который никак не хотел приступить ко второй части

занятия: все уже встали к мольбертам и взялись за краски — а он все не двигался. Я не раз видела, как те, кому труднее всех расслабиться и начать рисовать или писать, поистине раскрываются в процессе упражнения и после него. Тот человек в конце концов провел полчаса, сплошь закрашивая свои листы черным. Я наблюдала со стороны, и эта сцена показалась мне столь же печальной, сколь и необычной. Одной рукой он делал широкие мазки, другой — утирал слезы.

Прямо у меня на глазах совершалась чудесная встреча сердечного переживания и искусства. Закрасив последний лист, он отступил назад и промолвил:

— Не думал, что так получится. А ведь стало легче...

Я улыбнулась. Добавить мне было нечего — разве только то, что он был прав. Одну из этих черных картин я повесила около рабочих столиков и в дальнейшем показывала новым участникам кружка, объясняя цель упражнения. Так они могли сразу убедиться, что им не нужен особый талант, чтобы испытать на себе пользу искусства.

* * *

В то утро, когда я расставляла стулья в круг перед занятием, в студию вошла Лия.

— Мне нужно успокоиться, Фаб, нужно вести себя профессионально.

Она принялась ходить передо мной взад-вперед, порывисто дыша.

— Да ты всегда профессионально себя ведешь, что случилось?

— Здесь Смарт. Его только что положили.

Я быстро порылась в памяти. Имя смутно знакомое, но кто это, сообразить не могла. Лия глядела на меня не двигаясь, ожидая, пока шестеренки в моей голове наконец не завертятся и я не отреагирую.

— А кто это?..

— Ну как же, Смарт: «Ты без нас», «Куда дует ветер», «Марго Браун», «Крик», «О дереве и соли», «Давай поговорим обо мне».

Я только плечами пожала.

— Фаб! Это же один из наших главных режиссеров! Ей впервые открылось мое невежество.

— Что у него?

— Рак костей. Бред какой-то, мне с ним разговаривать, а я боюсь облажаться.

— В каком смысле?

— Я фанатею по нему с самых первых фильмов. Документалку про него пересматривала раз десять. Я не в состоянии просто войти к нему и поприветствовать как обычного пациента.

Я плохо понимала, что могу сделать, но все-таки предложила:

— Хочешь, пойдем вместе?

— Ты серьезно?

— Ну а что... До занятия еще двадцать минут.

Я заперла студию, и мы отправились к комнатам. В Доме «Птицы» было три корпуса: «Белая цапля», «Чирки» и «Ласточки». Студия и комната отдыха находились в «Чирках», приемная, кухня, столовая и кабинеты — в «Белой цапле», а комнаты пациентов — в «Ласточках».

Я смотрела на Лию, которая шла впереди. Она вся была точно деревянная. Я хорошо знала, как на нее иногда действует стресс из-за той ответственности, к которой обязывал пост директора, но мне еще ни разу не приходилось видеть ее такой серьезной и скованной. Хотелось спросить, впервые ли она вот так теряется перед пациентом, но я сдержалась.

Она остановилась перед комнатой номер десять и сделала знак, чтобы я вошла первой. Я представила, как собираю все свое мужество и оно, точно броня, защищает меня от чувства неловкости. Я просунула голову в дверь.

— Простите?

Смарт сидел в постели и читал журнал. Он окинул нас взглядом и снова погрузился в чтение. Я обернулась на Лию, которая глядела на него во все глаза, улыбаясь. Я подошла к кровати и сказала:

— Меня зовут Фабьена, я работаю в другой части Дома, в корпусе «Чирки», веду художественный кружок. Мы занимаемся живописью, рисунком, творческим письмом.

— Если пришли меня записать, то я уже не в том возрасте, когда сидят кружочком и кисточкой ляпают.

За годы работы я отучила себя принимать близко к сердцу слова пациентов. Но тут, по-видимому, был особый случай.

— Очень жаль, а мне нравится то, что наляпывают взрослые. Это Лия, директор Дома, она тоже очень рада с вами познакомиться. Обычно с пациентами беседует она, но ваше творчество настолько сильно ей нравится, что сейчас она, видимо, лишилась дара речи.

— Фабьена, ну зачем... — раздалось у меня за спиной.

Смарт медленно отложил журнал, сверля нас с Лией взглядом.

— Ну-ну. Одна, значит, воспитательница, пришла мне хвастаться, что гуашью творит чудеса для детсадовцев-переростков, другая слова вымолвить не может, потому что я что-то там снял. Киношник старый помирает. Давайте идите, не на что тут смотреть.

Лия начала было рассыпаться в извинениях за то, что мы его потревожили, но я ее перебила.

— Не будем вам мешать, увидимся с вами позже.

Смарт нахмурил брови.

— И все? Вы что, святые? Вас обхаживали, а вам все Божья роса? А идите вы к черту...

— Отлично. Не волнуйтесь, мы знаем его адрес, передадим от вас привет.

Лию мои слова, похоже, расстроили. Возможно, мне и правда не стоило огрызаться. Ничего не могу с собой

поделать: когда мне грубят, я тут же отвечаю. Как правило, на этом стычка и кончается. Но со Смарттом, судя по всему, мне предстояли бои посерьезнее. Если сравнивать с теннисом, он хорошо владел подачей — но и я умела отбивать лучше, чем он думал.

Я много раз видела, как пациенты хосписа злятся на свое положение, но до сих пор мне ни разу еще не грубили. Я проводила Лию до ее кабинета. Она упала в кресло и сказала:

— Да уж... Вот что называется «поставить фанатку на место».

Я посмотрела на часы и увидела, что до моего урока оставалось всего пять минут.

— Еще поговорим, мне пора ляпать кисточкой.

По пути в студию меня преследовало желание сбежать на пляж и палкой понаписать на песке всякую ерунду. Завелась у меня с некоторых пор такая привычка. Я наблюдала, как волны набегают на мои слова, пока не смоют совсем. Это было лучше, чем вести личный дневник, лучше, чем с кем-то делиться. Реке я доверяла полностью и скармливала ей все, что меня тяготило. Я представляла, как жуки-маскинонги рвут на клочки мои страхи, зубатки пожирают мои фобии, раки кромсают мои кошмары. В дни, когда дул сильный ветер и шел дождь, мне нравилось думать, что это река переполнилась моими переживаниями и просит у меня час-другой передышки. Хотя, признаю, воображать, что погода зависит от тебя, — то еще сумасбродство.

Лия часто приглашала меня пообедать вместе у нее в кабинете, и я всегда отказывалась, потому что каждый день во время перерыва мне нужно было ходить к реке. И чем больше я в этом нуждалась, тем яснее понимала, что мое состояние ухудшается. Перед тем как войти в студию, я написала Шарлю.

Утром заселился Смарт

Да? «Крик» — один из моих любимых фильмов

Я не решилась написать, что не смотрела.

Хочу телепортироваться в ванну.
Сейчас же

Я тоже. Обожаю, когда у меня
замерзают ноги

Я засмеялась и убрала телефон в карман. Ванна в дуплексе, и так небольшая, для высокого Шарля была и вовсе крошечной. Он часто недоумевал, что за блаженство я нахожу в том, чтобы неподвижно лежать на спине по горло в горячей воде.

Себастьян, мой коллега, сделал мне знак подойти. В студии, ожидая начала занятия, сидели девять человек.

Я представилась новичкам и поприветствовала знакомых учеников.

— Ты так и не сказала, какое у нас сегодня будет ключевое слово.

— Совсем из головы вылетело. Дай мне минутку, ладно?

Уже несколько недель я витала в облаках, и это сказывалось на работе. Я встала перед окнами и стала смотреть вдаль. В мыслях опять возник Смарт. Он напоминал мне мать, какой она была незадолго до смерти. Та же злость, из-за которой она целыми днями не разговаривала, до последней минуты, когда она процедила сквозь зубы: «Скажи им, чтобы катились к черту».

С годами я пришла к выводу, что слова эти адресованы членам ее секты. Мне было очевидно почему: она ощутила себя преданной, когда поняла, что ни молитвы их, ни кристаллы не смогут ее исцелить. И все же фраза эта вновь и вновь всплывала у меня в голове. Что, если я ошиблась? Теперь уже не спросить: «Кому катиться к черту, мама?» Я проводила взглядом чайку, летевшую против ветра, дождалась, пока она, обратившись в точку, совсем не скрылась вдали, — и только тогда предложила Себастьяну слово «гнев».

— Это мы уже брали...

Казалось, он был разочарован, что я не смогла придумать что-нибудь поинтереснее.

Мне очень хотелось сказать ему, что это целый этап, который составляет важнейшую часть переживания

болезни. И даже если обсуждать это чувство каждый урок, все равно обязательно найдется еще, что сказать по теме. У нее много интересных граней.

— Хорошо. Тогда, может, спросить их, что они думают о жизни после смерти?

Себастьян улыбнулся.

— Нет, Фабьена, все нормально — пусть будет гнев.

Было ясно, что он не хочет касаться отвергнутой темы, тем не менее я записала себе в телефонные заметки посвятить ей следующее занятие. До сих пор я не решалась ее предложить, чтобы не оскорбить ничьи религиозные чувства, но уже не могла не признать очевидного: многие из больных задавались вопросом, что ждет их на той стороне. Часто, когда я навещала больных и у меня было свободное время, я предлагала нарисовать для них картину и изобразить на ней то, что они скажут. Иногда при мне начиналось обсуждение между пациентом и его родными. Некоторые верили, что воссоединятся с любимыми людьми, другие нет.

Иногда они меня спрашивали, во что верю я сама, но ясного ответа я не находила. Я часто представляла, что с последним дыханием жизнь просто обрывается, как у сбитых животных на обочине шоссе, которых так больно видеть. Порой же во мне поселялась уверенность, что параллельно с нашим существует еще и другой мир. В общем-то, если я и верила в бессмертие и встречи в следующей жизни, то ради себя же самой.

Мне еще о многом нужно было договорить с теми, кого уже не было.

Я также понимала, что, коснись этой темы, я рискую увлечься настолько, что уйду в долгие рассуждения, а о своей основной задаче, рисовании, забуду. Шарль всегда удивлялся, насколько меня захватывал просмотр документальных фильмов о переживаниях людей, находящихся при смерти. Врач, тестирующая меня на признаки аутизма, сказала бы, что это самый настоящий «специальный интерес». Лучше бы я, конечно, воспылала страстью к готовке или спорту, но мы не выбираем, что захватит нас с головой.

Один из пациентов рассказывал о том, что почувствовал, узнав свой диагноз, когда в дверь заглянула Лия. Я думала, что ей нужен Себастьян, но она не уходила, и я подошла к ней.

— Смарт хочет у тебя что-то спросить.

У меня брови так и поднялись от удивления.

— Мы же только что там были, двадцати минут не прошло...

— Я бы сходила сама, но ему почему-то тебя подавай.

Я обернулась на Себастьяна. Лия мягко подтолкнула меня в спину в сторону выхода.

— Давай-давай, я тебя подменю. Уж не серди моего кумира.

Обычно я хожу быстро, но тогда тащила по коридору еле-еле. Даже зашла по пути на сестринский пост

выпить горячего шоколада и долго еще искала зефирки. Приятно было посмаковать сладкий бодрящий напиток перед тем, как меня опять окатят руганью. Я прошла по корпусу «Ласточки», остановилась перед комнатой Смарт, поздоровалась с Викторией Виже, пациенткой из комнаты напротив. Наконец, прочистила горло и постучала два раза по косяку двери.

— Входите, не заперто.

— Трудно запереть открытую дверь...

Смарт поперхнулся от услышанного и начал долго кашлять. От каждого приступа его сгибало. Я не знала, что предпринять: помочь, наблюдать со стороны или дожидаться, пока кашель прекратится, но, поколебавшись несколько секунд, поставила шоколад и начала крутить ручку подголовника, пока не подняла изголовье кровати до такого уровня, чтобы Смарт мог сесть.

Он жестом попросил меня подать ему стакан воды, который стоял на тумбочке. Пристроив голову на подушке, явно изнуренный непомерным напряжением, он устремил глаза в потолок и тихо проговорил:

— Я столько за всю жизнь получил всяких наград и премий. Но одной у меня еще нет, и сегодня вечером вы поможете мне с этим.

Я присела на подоконник возле его кровати, молча ожидая продолжения.

— Хочешь знать, о чем я?

Я пожала плечами.

Он снова закашлялся, на сей раз от смеха.

— Ты сможешь мне скоростижно скончаться.

И тогда я буду засранец года.

И снова я промолчала. Я притворялась невозмутимой, но на самом деле просто боялась того, что он мог ответить на мои слова.

— Фабьена, верно?

— Да.

Он закрыл глаза.

— Допустим, у меня в тумбочке пистолет — что ты на это скажешь?

У меня на миг замерло дыхание. Я понимала, что он блефует, и главная задача была в том, чтобы ответить тем же.

— Я только что подала вам стакан, который стоял буквально рядом с вами.

Он приоткрыл один глаз.

— И?

— Что бы там у вас ни лежало, самому вам это просто не достать.

Губы его медленно растянулись в улыбке.

— Можешь сказать медсестре, что у меня голова болит?

Я аккуратно встала и направилась к кабинету Люси. Мне хотелось спросить ее, как наш новый пациент вел себя с ней несколько часов назад, когда только поступил в Дом «Птицы». Но я сдержалась. Что-то подсказывало мне, что очень скоро я сама это узнаю.

Оправдания

Осень выдалась холодной, и по утрам я чуть ли не силком вытаскивала себя из-под одеяла, чтобы вывести Ван Гога на прогулку. Шарль каждый раз смеялся, когда я показывалась в своем зеленом дождевике, красных резиновых сапогах и желтой вязаной шапочке, которую предусмотрительно купила сразу в трех экземплярах несколько лет назад. В таком виде я выгуливала Ван Гога всегда, даже в хорошую погоду, потому что ходить по кромке воды с собакой, для которой сплошное счастье поноситься по набегаящим волнам, — это верный способ промокнуть с ног до головы.

До первых снегопадов мой маршрут был неизменен. Сначала — в булочную, где я наскоро завтракала сэндвичем, пока Ван Гог жадно обнюхивал все, что попало ему под нос, потом — вниз к воде, до нижней набережной, и, наконец, — назад к дому. Выходило плюс-минус девять километров, но, поскольку путь этот

я проделывала по мокрому песку и в резиновых сапогах, ногам он казался едва ли не вдвое длиннее.

Шарль рано отправлялся работать на строительную площадку, и мне нравилось выпивать первую чашку кофе рядом с ним в постели. Я приоткрывала окно, чтобы было слышно, как шумит река, и он рассказывал мне, где был и что делал вчера. Какие дома строит, что за работы ведет, что недавно рассказали ему братья. Его страсть к работе меня восхищала.

И еще меня восхищало, как умел он, раз наметив план, неуклонно ему следовать до самого конца. Мне же, когда я приступала к чистому холсту, больше всего нравилось как раз не знать, что же в итоге получится. В то же самое время в обычной жизни мне всегда нужны были внешние рамки. По иронии свою свободу я обрела, лишь отдаваясь творчеству, — но я никогда не пыталась разгадать ее логику, боясь, что иначе могу ее потерять. И всякий раз, когда ученик замирал перед белым листом, я давала ему тот же совет, что помогал и мне:

— Просто доверьтесь себе.

Минуты, что мы делили с Шарлем ранним утром, всегда пролетали слишком быстро, и, чтобы их увековечить, я каждое утро фотографировала один и тот же край кровати с полом. Порой в кадр попадал спящий Ван Гог, а порой видны были только разноцветная простыня и залитые солнцем доски. В конце года я один за другим просматривала 364 снимка — и в них оказывался целый мир, хотя мы сами оставались за кадром.

Воображению было вполне достаточно этого коллажа из рассветов, чтобы дорисовать спрятанную за ними сокровенную жизнь. Шарлю эти фотосессии поначалу были непонятны, но в конце концов он тоже оценил прелесть замысла, когда я вставила одну из фотографий в рамку и повесила ее над нашей кроватью.

Сделав ежедневное фото и допив кофе, я считала до пяти, выскакивала из-под одеяла и голая бежала прямиком в душ. Шарль смеялся, глядя, как я скачу, стараясь как можно меньше соприкоснуться с холодным полом, и не упускал случая еще чуток подремать: только спустя минут пятнадцать я торопила его помыться, пока вода еще не остыла. Торопила, в общем-то, напрасно, потому что душ он предпочитал прохладный.

Я очень радовалась, что он любил утро так же сильно, как я. Каким счастьем бывало для нас пораньше лечь в пятницу, чтобы потом встать к пяти часам и вместе пойти на берег встречать начинающийся день! Два чудака. Как и он, я не хотела привыкать к реке. Я старалась вобрать в себя каждое мгновение, говоря себе, что, быть может, вижу восход солнца в последний раз. Жить с такими мыслями было тревожно. Но, потеряв отца и мать, я не могла думать, что вся жизнь — и любовь — у нас была еще впереди.

Я спешила жить, спешила осуществлять планы. Дуплекс, который мать завещала нам с Этьеном, покорил меня с первого взгляда — несмотря на то, что здесь и зародилась секта «Лунный круг». Пользуясь тем, что

часть здания предназначалась для бизнеса, я собиралась оборудовать там собственную художественную студию. Все нужные для рисования принадлежности, как и в Доме «Птицы», были у меня уже под рукой. Несколько вечеров в неделю я бы вела уроки: задавала бы какую-нибудь тему, а дальше каждый ученик работал бы в своем стиле. И раз в месяц устраивала бы выставку. Но долгосрочный подряд Шарля и ремонт заставили отложить этот план до лучших времен. Впрочем, одно только знание, что он осуществим, наполняло меня радостным волнением.

Зато я успела преобразить жилые помещения на нижнем этаже: выкрасила все стены белой краской, повесила в ванной небольшую вышивку с голубыми цветами, обставила комнаты и гостиную. Чтобы не было пусто, заполнила все пространство растениями и наклеила его «Паузой». Это слово как нельзя лучше описывало то теплое чувство покоя, которым каждый раз окутывала и меня, и Шарля эта простая, но уютная обстановка, когда мы приходили сюда что-нибудь доделать. То, что мы смогли вдохнуть светлую душу в комнаты, которые давали приют стольким душам заблудшим, было чудом.

Еженедельно я спускалась полить цветы и вытереть пыль, как будто готовясь к скорому приезду важного гостя. Все встало на свои места через несколько месяцев, когда мне позвонила тетя Клэр. Именно ради нее, сама того не подозревая, я с таким трепетом ухаживала все это время за этими комнатами. Когда она попросила